

Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН¹

Р.А. Юнеман

Юнеман Роман Александрович – аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; roman@yuneman.ru; ORCID: 0000-0003-4006-2233; ResearcherID: P-9338-2015

Аннотация

Многовекторность – ключевая черта внешнеполитической стратегии Республики Казахстан. Политика Казахстана внутри международных организаций и интеграционных объединений также проводится в рамках концепции многовекторности. На сегодняшний день реализация данной концепции во внешней политике Казахстана в рамках Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) до сих пор не изучена. Для исследования концепции многовекторности автор анализирует совпадение позиций Казахстана и других государств – России, Китая, США, Турции и Германии – при голосовании в ГА ООН в 2007–2022 гг. Кроме того, в статье анализируется совпадение голосов Казахстана и других рассматриваемых стран по отдельным темам (разоружение, деколонизация, права человека, вопросы развития, вооруженные конфликты и др.), а также голосование по ключевым резолюциям, касающимся вооруженных конфликтов с участием Российской Федерации. В результате количественного и качественного анализа голосований по более чем 1300 резолюций автор приходит к выводу о том, что главным «вектором» внешней политики Казахстана является КНР, а не Российская Федерация, которая формально считается ключевым союзником Казахстана. Именно с Китаем обнаруживается максимальное совпадение внешнеполитических позиций (меньшее с Россией, Турцией и Германией, а с США – минимальное). Более того, при противоположном голосовании Китая и других трех рассматриваемых стран голоса Казахстана чаще совпадали с китайскими. Автор утверждает, что Казахстан также избегает эксплицитной поддержки Российской Федерации в голосованиях по резолюциям, связанным с вооруженными конфликтами с участием России. Это также проявляется и в голосовании Республики Казахстан по резолюциям, связанным с проведением СВО на Украине. Природа максимального совпадения позиций Китая и Казахстана при голосовании по резолюциям ГА ООН требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, США, Китай, Германия, Турция, ГА ООН, голосование, многовекторность

Для цитирования: Юнеман Р.А. Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 151–169 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-06

Основы внешней политики Республики Казахстан были определены Нурсултаном Назарбаевым в мае 1992 г. в программной статье «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства». Главной целью внешней политики была объявлена безопасность нового Казахстана, которую должно обеспечить в том числе стра-

¹ Статья поступила в редакцию 12.11.2022.

тегическое партнерство с соседями – Россией и Китаем, а также тесное сотрудничество с государствами Средней Азии, Турцией, Пакистаном и Индией [Nazarbaev, 1992]. Этот внешнеполитический императив, подразумевающий ориентацию на несколько центров силы, в дальнейшем получил название «многовекторность».

Недавнее обращение Казахстана в ОДКБ за помощью в урегулировании внутреннего кризиса и начало СВО России на Украине заставляют задуматься о будущем казахстанской внешнеполитической концепции многовекторности. Тем более представляется важным понять, как эта концепция реализовывалась на практике до настоящего времени.

Несмотря на де-факто следование политике многовекторности все время существования Республики Казахстан, впервые официально многовекторность была обозначена как концепт в 2007 г. в Послании президента Республики Казахстан [President of the Republic of Kazakhstan, 2007]. В дальнейшем многовекторность обозначена как основной принцип внешней политики в Концепциях внешней политики Республики Казахстан от 2014 и 2020 гг. [President of the Republic of Kazakhstan, 2014; 2020]. В официальных доктринах внешняя политика Казахстана описывается как «дипломатическая стратегия, основанная на выстраивании отношений с международным сообществом вообще и с сопредельными государствами в частности на прагматической и сбалансированной основе» [Ibid., 2020]. В своей программной статье от 2021 г. К.-Ж. Токаев также подтверждает приверженность Казахстана многовекторности во внешней политике как необходимое условие для сохранения страной независимости [Kazhastanskaya Pravda, 2021]. В целом можно говорить о сохранении курса на многовекторность (как минимум декларативно) даже после смены руководства страны.

В той или иной степени политика многовекторности характерна для многих постсоветских государств. Например, в Армении такая политика получила название «комплиментаризм», в Узбекистане при Исламе Каримове также декларировалась приверженность многовекторной внешней политике [Minasyan, 2012, p. 268; Nomerovchenko, Kim, Kang, 2018, p. 401]. Многовекторность может также пониматься как готовность государства сотрудничать «со всеми», то есть с несколькими, зачастую конфликтующими, центрами силы в данном регионе – такой трактовки многовекторности, к примеру, придерживается официальный Минск [Shadurski, 2010, p. 50].

По определению М. Хэнкса, многовекторная внешняя политика – это политика, в рамках которой отношения с другими странами выстраиваются на прагматической и неидеологической основе [Hanks, 2009, p. 259]. Такая трактовка политики многовекторности делает ее синонимичной внешней политике государства в целом (в неореалистском контексте). В то же время исследователь Е. Гнедина утверждает, что суть политики многовекторности – это «и не балансирование, и не примыкание», а особый способ постсоветских элит максимизировать собственную выгоду в краткосрочном периоде за счет противоречий крупных держав [Gnedina, 2015]. Данный подход поднимает вопрос о сходстве многовекторности и политики хеджирования, которая, по определению Ч. Куика, использует стратегии, расположенные «на спектре» между примыканием и балансированием, для сохранения безопасности государства и максимизации выгоды его правящих элит [Kuik, 2008, p. 163].

Несмотря на то что политическое маневрирование малых и средних государств между крупными игроками распространено в разных регионах, термин «многовекторность» преимущественно используется для стран постсоветского пространства. При этом конкретные причины использования государством многовекторной политики могут быть различными. Так, к примеру, одной из причин перехода Казахстана к многовекторной внешней политике может быть необходимость легитимизировать

государственность как в глазах русских, так и казахов [Cummins, 2003, p. 150]. Тем не менее для всех постсоветских государств многовекторная политика — это способ тем или иным образом утвердить собственный суверенитет в отношении России.

Концепция многовекторности во внешней политике Казахстана на данный момент относительно неплохо изучена. С момента введения этой концепции в дискурс исследовались причины ее появления и эволюция [Kassen, 2018; Bastas, 2013], практическое применение в сфере балансирования между Китаем и Россией [Diyarbakirlioğlu, Yiğit, 2014], а также реализация политики многовекторности в экономической и энергетической сфере [Nurgaliyeva, 2016]. Отдельно стоит выделить работы Ч. Салливана и М. Кларка, которые определяют политику многовекторности как политику защиты независимого Казахстана от доминирования Российской Федерации и указывают на ее туманное будущее, учитывая сохраняющееся противостояние России и Запада [Sullivan, 2019; Clarke, 2015]. В таком контексте политика многовекторности по своей сути является политикой балансирования относительно России.

Тем не менее остается пока неизученной политика многовекторности Казахстана в отношении основных международных вопросов. Поэтому представляется важным установить степень согласованности внешней политики Казахстана с ключевыми великими державами. В первую очередь необходимо определить, насколько совпадают позиции Казахстана и США, России, Китая, Турции и ЕС как основных внешних игроков в Центральной Азии.

Для определения степени совпадения может быть использован анализ голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН). Один из современных исследователей паттернов голосования стран в ГА ООН Э. Вутен отмечает, что результаты такого анализа могут показать, «в какой степени страны обладают общими внешнеполитическими интересами или предпочтениями» [Voeten, 2013, p. 13]. В свою очередь, на основании количественного анализа голосования в ГА ООН российский исследователь Д. Хачатурян делает вывод о соответствии типа отношений («союзнических» и «привилегированных») и согласованности голосования в ГА ООН между Арменией и Россией/Францией [Khachatryan, 2017].

Исследуются паттерны голосования стран и как суверенных акторов, и как участников союзов с целью показать действительное наличие или отсутствие согласованной внешней политики [Lijphart, 1963, p. 902–917]. Более того, на основании голосования по резолюциям ГА ООН определяется внешнеполитическая близость стран одного блока по отношению к крупным международным акторам. В частности, на основе анализа голосования стран АСЕАН и Японии, Китая, США делается вывод о большей близости внешней политики стран блока к Китаю, нежели к Японии и США [Burmester, Jankowski, 2014].

Большинство работ, посвященных анализу голосования Казахстана в ГА ООН, рассматривают Казахстан в контексте Центральной Азии или СНГ как региона. Например, рассматривается внешнеполитическая близость Казахстана и других государств СНГ на основании совпадения позиций при голосовании по резолюциям в ГА ООН [Kurylev et al., 2018; Degterev et al., 2018; Hansen, 2015]. В своей работе “May we have a say? Central Asian states in the UN General Assembly” Ф. Коста-Бурanelли также исследует результаты голосований Казахстана только в контексте согласованности внешней политики с другими странами Центральной Азии и Россией и приходит к выводу о большей согласованности позиций центральноазиатских стран между собой, чем с Российской Федерацией [Costa-Buranelli, 2014].

Отдельно отметим исследование Г. Козлова, посвященное анализу голосований Казахстана и США по резолюциям ГА ООН, как одну из немногих работ, освещающих

совпадение позиций Казахстана и крупного международного актора [Kozlov, 2020]. Автор на основании количественного анализа результатов голосований Казахстана и США по резолюциям ГА ООН приходит к выводу о значительном несовпадении позиций двух государств (и о большем совпадении позиций Казахстана и России) [Kozlov, 2020, p. 584].

Тем не менее до сих пор не было исследовано совпадение голосования Казахстана и Китая, Казахстана и Турции, Казахстана и Германии (как одной из стран ЕС, проявляющих наибольшую активность на центральноазиатском направлении). Лишь в общих чертах были исследованы паттерны голосования Казахстана и России. Более того, для понимания политики многовекторности необходимо комплексное исследование голосования в ГА ООН Казахстана и других ключевых игроков региона: России, ЕС, США, Китая и Турции.

Исследование совпадения голосов в ГА ООН представляется также важным в контексте того, что Казахстан и Россия формально проводят «согласованную внешнюю политику», как указано в ст. 4 «Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI в.» [Dogovor, 2013], притом что с другими рассматриваемыми странами договоров о такой «согласованной внешней политике» нет. Поэтому важно понимать, какую позицию занимал Казахстан в случае противоположного голосования России и трех остальных рассматриваемых акторов.

Далее будет исследовано совпадение голосов при голосовании по резолюциям ГА ООН Казахстана и пяти стран: России, США, КНР, Турции и Германии. Для анализа были выбраны только те резолюции, по которым проводилось голосование в рамках сессий ГА с 2007 по 2022 г., с 63-й по 77-ю сессии (всего 1320 резолюций). Выбранная нижняя хронологическая граница обусловлена вводом в официальный дискурс термина «многовекторность», а также вторым запуском евразийской интеграции и подписанием договора о создании Таможенного союза. Верхняя граница позволит рассмотреть голосования в ГА ООН, связанные с проведением Россией СВО на Украине. Внутри выбранных временных рамок отдельно будут рассмотрены периоды 2007–2013 и 2014–2022 гг., для того чтобы отследить эволюцию голосования Казахстана до и после начала активной фазы конфронтации России и Запада. Представляется интересным установить, произошли ли изменения в паттернах голосования Казахстана после присоединения Крыма Российской Федерацией. Возросшая антагонистичность отношений России и США/Германии могла привести к снижению поддержки России при голосовании в ГА ООН.

Все исходные данные для анализа результата голосований взяты из Цифровой библиотеки ООН [UN, n. d.]. При анализе резолюций в работе применен строгий подход для подсчета совпадений при голосовании: будут посчитаны только случаи полного совпадения позиций (всего их возможно четыре: «да», «нет», «воздержался», «не участвовал в голосовании»), затем поделены на количество резолюций за период и умножены на 100%. Результатом расчетов является процент совпадения голосования двух стран. Кроме того, при противоположном голосовании будут учтены только те случаи, когда две страны проголосовали антагонистично (учитываются только позиции «да» и «нет»).

Анализ голосования по резолюциям ГА ООН

Результаты анализа голосований Казахстана, России, США, Китая, Турции и Германии в ГА ООН на предмет совпадения позиций в 2007–2013 гг. с указанием количества резолюций, по которым проводилось голосование, а также основных тем резолюций приведены в табл. 1.

Таблица 1. Коэффициент согласованности голосования Казахстана с Россией, США, Китаем, Германией и Турцией при голосовании по резолюциям ГА ООН с 2007 по 2013 г., %

Год	Кол-во резолюций	Россия, %	США, %	КНР, %	ФРГ, %	Турция, %	Основные темы резолюций
2007	79	82	9	84	68	72	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Санкции
2008	78	78	12	82	65	71	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в Сирии
2009	68	78	16	87	59	65	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в КНДР. Беженцы из Абхазии и Осетии
2010	72	75	17	83	60	72%	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в КНДР. Беженцы из Абхазии и Осетии. Международная торговля
2011	69	74	25	86	62	71	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Торговля вооружениями. Права человека в Мьянме
2012	74	69	16	76	57	69	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Беженцы из Абхазии и Осетии
2013	64	64	17	83	55	64	Палестинский вопрос. Снятие эмбарго с Кубы. Распространение ядерного оружия и средств его доставки

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

На основании табл. 1 можно сделать несколько выводов.

1. Доля совпадений голосов Казахстана и России довольно высока и колеблется в диапазоне от 64 до 82%, тем не менее в течение всего рассматриваемого периода она значительно снижается.

2. Несмотря на декларируемую роль России как ключевого внешнеполитического партнера Казахстана и наличие официальной «согласованной внешней политики», голоса Казахстана чаще совпадают с позицией Китая (от 76 до 89%), при этом доля таких голосов не снижается в течение рассматриваемого периода.

3. Казахстан чаще голосует так же, как и Германия (от 55 до 68%), и в подавляющем большинстве случаев голосует отлично от США — доля совпадающих голосов составляет от 9 до 25%.

4. На протяжении всего рассматриваемого периода мы видим стабильно высокий уровень совпадения голосов Казахстана и Турции, ближе к концу периода этот уровень примерно равен российскому.

В целом такое совпадение голосов соответствует большей роли России и Китая во внешней политике Казахстана, чем США и Германии. Отдельным феноменом является Турция, которая также стремится углублять отношения с Казахстаном и совпадение голосов с которой находится на том же уровне, что и с декларируемым ключевым союзником — Россией. Тем не менее большая согласованность позиции Казахстана с китайской, а не с российской вызывает удивление. Казахстан действительно балансирует относительно России с помощью Китая, однако это балансирование происходит в первую очередь в экономической сфере [Nurgaliyeva, 2016, p. 93]. При этом Казахстан и Россия состоят в типичном асимметричном военно-политическом союзе (ОДКБ), в рамках которого важны символические жесты со стороны меньшей державы по поддержке внешней политики большей державы [Istomin, Baykov, 2019, p. 39].

Теперь рассмотрим только те голосования, в которых голоса России и одной из четырех других держав были прямо противоположными (допустим, «за» и «против» определенной резолюции) (табл. 2).

Таблица 2. Случаи противоположного голосования России и другой державы, в которых Казахстан поддерживал Россию, 2007–2013 гг., %

	Поддержка России, %	Всего случаев
Россия – США	91	293
Россия – Китай	31	13
Россия – Германия	67	88
Россия – Турция	67	86

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Как видно из табл. 2, в подавляющем большинстве голосований, в которых Россия и США голосовали противоположно, Казахстан поддержал Россию. В аналогичных ситуациях с Германией и Турцией — это 2/3 всех случаев. Тем не менее в связке Россия – Китай Казахстан поддерживал Россию только в 31% случаев (однако их число недостаточно велико, чтобы делать однозначные выводы).

Если говорить о конкретных резолюциях, следует рассмотреть те случаи, в которых Казахстан поддерживал или не поддерживал тактику голосования России при отличающихся результатах КНР, США, Турции или Германии.

Итак, несмотря на то, что Казахстан в подавляющем большинстве случаев голосовал совместно с Россией в ситуациях отличающегося голосования со стороны США, Казахстан поддержал США и Турцию в голосовании по резолюции Сирии в 2012 г. (резолюция 67/183), тогда как Россия голосовала «против». Кроме того, на протяжении 2007–2013 гг. Казахстан голосовал «за» в отношении резолюций, касающихся прав человека в КНДР и Мьянме (например, резолюции 64/238 и 65/225).

Кроме того, в части случаев противоположного голосования со стороны России и США Казахстан воздерживался от голосования. Так происходило с иницированными западными странами резолюциями по ситуации с беженцами из Абхазии и Южной Осетии (64/296, 66/283 и др.) и с 2013 г. по резолюциям, связанным с сирийским

конфликтом. Здесь следует отметить, что как только вопрос Сирии стал важным и для России, и для США, Казахстан сменил тактику голосования с «за», на «воздержался». Эта смена является отражением политики многовекторности, когда по вопросам, разделяющим внешние центры силы, Казахстан старается сохранять нейтралитет.

В ситуации противоположного голосования Германии и России Казахстан в одной трети случаев не поддерживал Россию. Помимо уже рассмотренных выше резолюций по конфликтам в Грузии и Сирии (в которых Германия и США голосовали зачастую одинаково), это также выражалось в поддержке резолюций по нераспространению ядерных вооружений (67/55, 68/39 и др.).

При расхождении позиций при голосовании между КНР и Россией Казахстан чаще присоединялся к Китаю (всего 13 случаев). Голоса Казахстана совпадали с голосами КНР по вопросам ядерного разоружения (67/46 и др.), а с Россией – в вопросах отмены смертной казни (65/206 и др.). С Турцией Казахстан голосовал одинаково по резолюциям, касающимся КНДР, Мьянмы и ядерного разоружения.

Отметим также, что в период с 2007 по 2013 г. Казахстан более 20 раз голосовал отлично и от России, и от Китая, США, Турции и Германии – в основном по вопросу ядерной безопасности. Казахстан поддержал резолюции, направленные на ограничение распространения и использования ядерных вооружений, такие как 65/60, 66/48, 67/45 и другие. Это согласуется с тем, что Казахстан с момента своей независимости позиционирует себя как государство, выступающее за всеобщее ядерное разоружение [Kazinform, 2020]. Такое позиционирование необходимо в том числе для того, чтобы символически подтвердить свой суверенитет, будучи относительно молодым государством.

В целом можно сделать следующий вывод: в указанный период степень совпадения голосов Казахстана была выше с Китаем, нежели с остальными четырьмя странами. При этом значительно снизился процент совпадающих голосов с Россией и Германией – на 18 и 13% соответственно, при одинаково низком уровне совпадения при голосовании с США. С Турцией процент совпадения голосов продолжал оставаться стабильно высоким и к концу периода сравнялся с российским. Кроме того, по ключевым для России вопросам конфликта в Абхазии и Южной Осетии Казахстан воздержался от голосования, а по вопросам разоружения, прав человека в КНДР и Мьянме – занял прямо противоположную России позицию.

Таблица 3. Совпадение голосов Казахстана с Россией, США, Китаем, Германией и Турцией при голосовании по резолюциям ГА ООН с 2014 по 2022 г., %

Год	Кол-во резолюций	Россия, %	США, %	КНР, %	ФРГ, %	Турция, %	Основные темы резолюций
2014	80	64	21	81	59	66	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Украинский конфликт. Права человека в Сирии
2015	78	62	19	78	47	56	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Санкции в отношении Кубы. Права человека в Иране
2016	81	64	23	74	57	62	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Права человека в Сирии. Беженцы из Абхазии и Осетии

Год	Кол-во резолюций	Россия, %	США, %	КНР, %	ФРГ, %	Турция, %	Основные темы резолюций
2017	94	69	15	82	56	60	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Права человека в Сирии. Права человека в Иране. Международная торговля
2018	107	65	13	78	61	64	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Украинский конфликт. Права человека в Сирии
2019	100	65	14	79	50	60	Палестинский вопрос. Распространение ядерного оружия. Сотрудничество государств в космосе и киберсфере. Международная финансовая система
2020	100	68	15	78	57	67	Пандемия коронавируса. Конфликт на Украине. Конфликт в Сирии
2021	86	62	21	76	52	55	Вопросы экологии и устойчивого развития. Конфликт на Украине. Конфликт в Сирии
2022	90	52	22	69	42	53	СВО на Украине. Вопросы экологии и устойчивого развития. Разоружение

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Анализ голосований по резолюциям ГА ООН с 2014 по 2022 г. позволяет утверждать, что на протяжении всего рассматриваемого периода (помимо 2022 г.) позиция Казахстана примерно в 62–69% случаев совпадала с позицией России. В 2022 г. мы наблюдаем сокращение до 52%, при этом падение прослеживается и для Германии и Китая, что объясняется более частым воздержанием Казахстана от голосования, чем в предыдущие годы. При этом процент совпадающих голосов Казахстана и Китая продолжал оставаться выше, чем в аналогичной ситуации с Россией – на уровне 69–82%. В остальном можно отметить стабильную долю совпадающих голосов с Турцией в диапазоне от 53 до 67%, а также стабильно низкую с США – от 14 до 23%.

В тех голосованиях, в которых позиция России была прямо противоположна позиции США, Китая, Турции или Германии, необходимо отметить следующее:

- в подавляющем большинстве противоположных голосований с США позиция Казахстана совпадала с позицией России;
- в почти половине спорных голосований между Россией и Германией или Россией и Турцией позиция Казахстана совпадала с позицией России;
- в 2014–2022 гг. Казахстан голосовал с Россией против позиции Китая только в 15% случаев;
- в сравнении с предыдущим периодом доля поддержки России Казахстаном в спорных голосованиях значительно снизилась в случаях со всеми четырьмя дру-

Таблица 4. Случаи противоположного голосования России и другой державы, в которых Казахстан поддерживал Россию, 2014–2022 гг., %

	Вместе с Россией, %	Всего случаев
Россия – США	82	474
Россия – Китай	15	53
Россия – Германия	56	198
Россия – Турция	50	149

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

гими странами: –7% для США, –11% для Германии, –16% для Китая и –17% для Турции. Общее количество противоположных случаев голосования увеличилось для всех стран.

В голосованиях по резолюциям ГА ООН, в которых позиции США и России были противоположными, в 16% случаев позиция Казахстана не совпадала с позицией России. В частности, как и в предыдущем периоде, по резолюциям относительно прав человека в КНДР и Мьянме (69/188, 73/264 и др.), а также по резолюциям, касающимся нераспространения химического и ядерного оружия (72/43, 74/50 и др.). Более чем по 30 резолюциям за указанный период в случае противостояния США и России Казахстан воздерживался: по ситуации в Южной Осетии и Абхазии, по милитаризации Крыма (74/17) и по выводу вооруженных сил из Молдавии (72/282). Кроме того, Казахстан воздержался от голосования и по резолюции 68/262 «О территориальной целостности Украины».

Отметим, что позицию России по резолюции 68/262 поддержали союзники России по ОДКБ – Армения и Белоруссия, а по резолюции 74/17 и 72/282 поддержал также и Китай (но во всех этих случаях Казахстан воздержался). Интересно, что Казахстан за 2007–2022 гг. менее 30 раз голосовал «против» каких бы то ни было резолюций. Однако в 2019 г. Казахстан проголосовал против резолюций 74/167 и 74/168 относительно прав человека в Иране и в Крыму. Это не позволяет говорить о позиции Казахстана «воздержался» при голосовании как о выражении политической позиции «против» в предыдущих голосованиях по всем волнующим Россию резолюциям относительно военных конфликтов.

Отдельно следует упомянуть, что Казахстан с 2013 г. воздерживался от голосования по всем резолюциям ООН, касающимся конфликта в Сирии (например, 73/182, 71/130 и 68/182). При этом по всем этим резолюциям Китай и Россия голосовали «против», а США и Германия «за». Приведенные примеры еще раз указывают на то, что Казахстан прибегает к политике хеджирования при противостоянии нескольких центров силы и занимает нейтральную позицию (в частности, по сирийскому вопросу).

После начала СВО Казахстан воздержался при голосовании по ключевым резолюциям ГА ООН, следуя сложившейся тактике голосования по спорным резолюциям (ES-11/1, ES-11/2). Тем не менее по резолюции ГА ООН об исключении России из Совета по правам человека Казахстан проголосовал «против», полностью поддержав Россию (ES-11/3). Возможно, это было вызвано необходимостью компенсировать резкие заявления главы администрации президента Казахстана о нежелании помогать России в обходе западных санкций.

В ситуации противоположного голосования Германии и России (помимо уже рассмотренных в случае с США) голоса Казахстана совпадали с немецкими в следующих случаях: противодействие распространению кассетных боеприпасов (74/62 и др.), нераспространение ядерного оружия (71/51 и др.) и защита окружающей среды (72/277). Голоса Казахстана и Турции в такой же ситуации совпадали по резолюциям, связанным в основном с ядерным и обычным разоружением (76/54, 73/264 и др.).

В период 2014–2021 гг. количество случаев противоположного голосования Китая и России выросло до 46, и Казахстан продолжил чаще поддерживать Китай. Так, на стороне России Казахстан выступил в голосованиях по смертной казни (71/187 и др.) и деколонизации (70/231). На стороне же КНР Казахстан выступил в вопросах нераспространения ядерного оружия (73/60, 74/45 и др.) и защиты окружающей среды (72/277).

На данную согласованность могли повлиять следующие факторы. Во-первых, повестка ядерного разоружения является ключевой для Казахстана, он ежегодно и последовательно голосует за все резолюции, посвященные данной теме. Во-вторых, у России и Китая за рассматриваемый период не было случаев прямого конфликта в рамках ГА ООН, которые могли бы поставить Казахстан в положение выбора между позициями России и Китая. Кроме того, вопросы окружающей среды и нераспространения ядерного оружия не являются ключевыми для внешней политики России, что оставляет Казахстану заметную свободу маневра.

В данном контексте интересна не только позиция Казахстана в ситуации противоположного голосования России и КНР, но, скорее, сама ситуация, в которой голоса Казахстана в целом более совпадают с китайскими, а не с российскими. Учитывая наличие между Казахстаном и Россией договоров о союзничестве и о коллективной безопасности (при отсутствии таковых у Казахстана с Китаем), такое совпадение выглядит необычно. Трудно сказать, с чем именно связана такая согласованность – с совпадением внешнеполитической повестки двух стран или с желанием Казахстана хотя бы таким образом балансировать относительно России. Прояснить ситуацию можно было бы в случае серьезного конфликта между Россией и Китаем, который был бы отражен в голосовании в ГА ООН и поставил бы Казахстан в положение выбора.

В 2014–2022 гг. голоса Казахстана не совпадали с голосами ни одной из рассматриваемых в данной работе стран более 80 раз. При этом более 40 резолюций касались темы нераспространения ядерного оружия и ядерного разоружения (например, 74/41, 73/57, 72/41 и др.). Казахстан голосовал «за» эти резолюции, тогда как КНР, Германия, США, Турция и Россия либо воздерживались от голосования, либо голосовали «против». Таким образом, в сравнении с периодом 2007–2013 гг. Казахстан не изменил своей позиции и продолжил отстаивать повестку ядерного разоружения, несмотря на возможные противоречия с крупными игроками в Центральной Азии.

В целом Казахстан продолжил курс 2007–2013 гг.: отказ от прямой поддержки России в резолюциях по конфликтам в Грузии и на Украине, а также голосование «за» по всем резолюциям, связанным с разоружением и нераспространением ядерного оружия. Несмотря на то что общий паттерн голосования Казахстана в ГА ООН не изменился после 2014 г., стоит отметить продолжение тренда на снижение совпадения голосования с Россией, особенно в случае противоположного голосования с КНР, Турцией, Германией и США. При этом в 2022 г. произошло снижение совпадения голосов со всеми странами, кроме США, что объясняется более частым воздержанием Казахстана от голосований по вопросам международных конфликтов (в первую очередь – СВО на Украине).

Как видно из рис. 1, совпадение голосов в ГА ООН выше именно с Китаем – вторым после России ключевым партнером Казахстана в регионе. Более того, совпадение голосов с Россией с 2010 г. находится примерно на одном уровне с Турцией, которая,

все более наращивая присутствие в Центральной Азии, играет менее значимую роль в региональной безопасности и экономике. На рис. 1 также можно увидеть, что голоса Казахстана все реже совпадают с голосами всех других четырех держав, кроме США. В целом значительно изменилась позиция России: если в начале периода по уровню совпадения голосов она делила первое место с Китаем, то в конце стала близка к соперничеству с Германией и Турцией уже за второе и третье места.

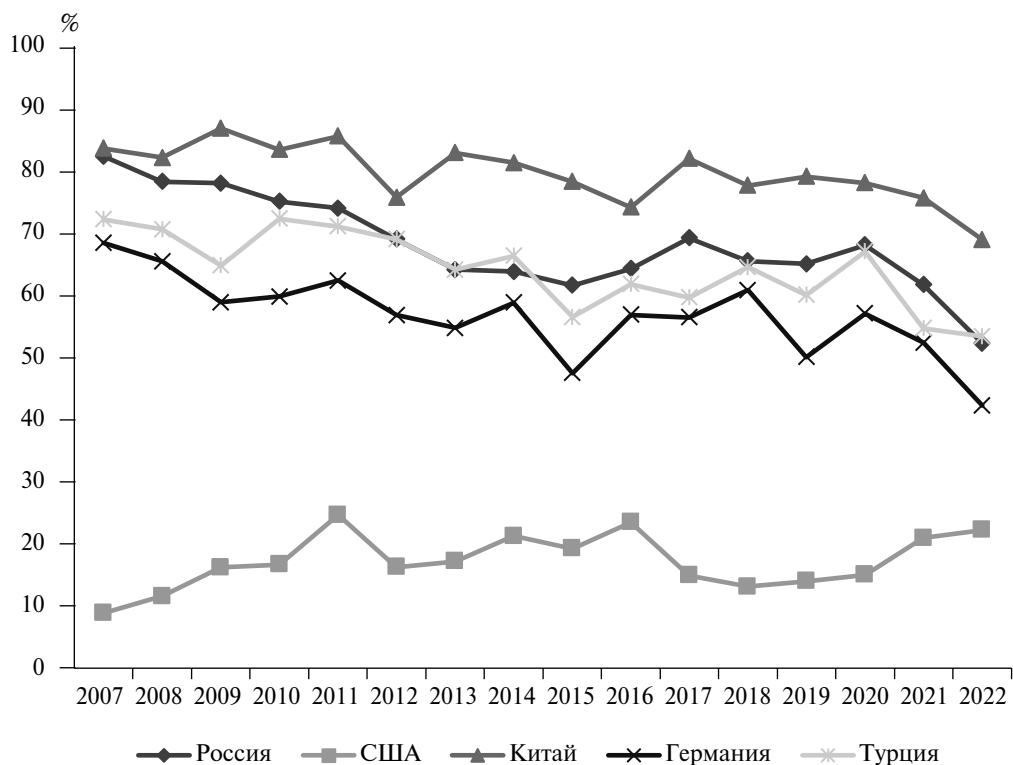

Рис. 1. Динамика процентного совпадения позиций Казахстана с Россией, США, Китаем, Германией и Турцией при голосовании по резолюциям ГА ООН, 2007–2022 гг.

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Совпадение голосов Казахстана и других держав было разным также в зависимости от предмета резолюции. Так, голоса Казахстана в ГА ООН совпадали с российскими на 80% и более по резолюциям, связанным с правами человека, вопросами развития, палестинским конфликтом и вопросами деколонизации – достигая 89% совпадения в последнем случае (рис. 2). При этом по резолюциям относительно вооруженных конфликтов и разоружения позиции России и Казахстана совпадали примерно в половине случаев, а по вопросам ядерного разоружения – лишь в одной трети.

Позиции Казахстана и Китая совпадали практически полностью по вопросу палестинского конфликта (97% резолюций), вопросам развития и разоружения (более 80%). По всем остальным вопросам позиции Казахстана и Китая совпадали не менее чем в 60% случаев. Примечательно, что совпадение позиций Казахстана и Китая по резолюциям, посвященным вооруженным конфликтам и ядерному разоружению, значительно выше, чем совпадение позиций с Россией, Турцией и Германией.

Рис. 2. Совпадение голосов Казахстана с Россией, США, Китаем, Турцией и Германией при голосовании по резолюциям ГА ООН с 2007 по 2022 г. по отдельным вопросам, %

Источник: Расчеты автора на основе данных Цифровой библиотеки ООН.

Совпадение позиций Казахстана и Германии можно определить как высокое (более 75%) по резолюциям, связанным с палестинским конфликтом, разоружением и вопросами деколонизации. А по резолюциям, связанным с вооруженными конфликтами, ядерным разоружением и правами человека, совпадение позиций наблюдается по одной трети резолюций.

Позиции Казахстана и Турции практически полностью совпадают по резолюциям, связанным с палестинским конфликтом (96% голосов) и значительно совпадают по вопросам деколонизации и разоружения. При этом остается низким уровень совпадения позиций по вопросам ядерного разоружения и прав человека (41 и 36% соответственно). Совпадение позиций Казахстана и США по всем вопросам остается низким: от 0% по палестинскому вопросу до 34% по вопросам разоружения.

В рамках отдельных групп резолюций позиция Казахстана чаще всего совпадает с позициями Китая (резолюции, связанные с вооруженными конфликтами, в том числе палестинским, и разоружением, в том числе ядерным, а также с вопросами развития) и России (резолюции, посвященные вопросам деколонизации и прав человека). В целом при рассмотрении резолюций ГА ООН по группам тем сохраняется максимальное совпадение позиций с Китаем и отчасти с Россией.

* * *

Многовекторность во внешней политике Казахстана реализуется при голосовании по резолюциям ГА ООН. Во-первых, можно говорить о многовекторности непосредственно при голосовании в ГА ООН – Казахстан воздерживался по резолюциям

относительно Украины и Сирии, которые были важны и для России, и для США и Германии. Во-вторых, многовекторность политики Казахстана проявляется в большей степени совпадения его позиций с Китаем при голосовании в ГА ООН, несмотря на то, что ключевым союзником Казахстана в регионе остается Россия.

Относительно ключевых внерегиональных игроков прослеживается четкая иерархия «векторов» как минимум по основным международным вопросам. Ключевым «вектором» в этом отношении оказывается не партнер по ОДКБ Российская Федерация, а Китайская Народная Республика. Позиции Казахстана и Китая при голосовании в ГА ООН совпадают значительно чаще, чем с позициями России, Турции, Германии и тем более США, с которыми у Казахстана наименьшее количество совпадений при голосовании. При этом такая картина сохраняется и при голосовании по отдельным группам международных вопросов. По большинству тем чаще всего совпадают позиции Казахстана и Китая – это резолюции, посвященные вооруженным конфликтам, разоружению и вопросам развития. При этом наблюдается наибольшее совпадение позиций с Россией по вопросам прав человека и деколонизации.

Несмотря на заявленную «согласованность внешней политики» Казахстана и России, степень совпадения голосования двух стран в ГА ООН снизилась за рассматриваемый период, оставаясь постоянно ниже наблюдаемой между Казахстаном и КНР. Более того, в ситуациях, когда Россия и Китай голосовали противоположно, Казахстан в подавляющем большинстве случаев голосовал так же, как и Китай. И несмотря на то что при антагонистичном голосовании России и США Казахстан чаще занимал позицию России, при аналогичном голосовании с Германией и Турцией он только в чуть более чем половине случаев был на стороне России (в период с 2014 по 2022 г.). Все это позволяет говорить о фактическом отсутствии «согласованной внешней политики» России и Казахстана в сфере голосования по резолюциям ГА ООН. При этом не наблюдается такой согласованности (кроме резолюций, касающихся палестинского вопроса) и с Турцией, которая претендует на роль лидера тюркского мира.

Установление точных причин такой степени совпадения голосования именно с Китаем выходит за рамки данной статьи. Скорее всего, такое совпадение может быть вызвано как близостью внешнеполитической повестки Казахстана с китайской, так и отсутствием прямого конфликта между КНР и Россией, который бы поставил Казахстан в положение трудного выбора. Кроме того, следует учитывать и внутривнутриполитические факторы: на протяжении 2000–2020 гг. руководство Казахстана видело независимость страны (прежде всего – политическую) как основание нациестроительства и ключевую ценность [Kazhstanskaya Pravda, 2021]. При этом любые высказывания относительно истории и суверенитета Казахстана со стороны российских официальных лиц (даже не имеющих отношения к внешней политике) воспринимались казахстанским обществом крайне негативно [Savostyanov, 2020]. Все это может быть причиной политического дистанцирования от России и, возможно, влияет на результаты голосования Казахстана в ГА ООН. Так или иначе, такой паттерн голосования Казахстана, находящегося в одном военно-политическом союзе с Россией, создает необходимость дальнейшего исследования специфики союза между Россией и Казахстаном.

Анализ политики многовекторности в рамках голосования в ГА ООН позволил заметить, что ее реализация ближе к политике хеджирования, нежели к официальному определению. С одной стороны, Казахстан состоит в оборонительном союзе с Россией, который в последнее время показал свою жизнеспособность во время внутривнутриполитических кризисов. С другой стороны, Казахстан воздержался по большинству ключевых для России резолюций, затрагивающих вооруженные конфликты (Сирия, Абхазия и Южная Осетия, Крым, Украина). Казахстан воздерживался при голосовании даже

в случае совместного голосования «против» и Россией, и Китаем. Это говорит о том, что отношения Казахстана и крупных держав более сложные, нежели простое балансирование по линии Россия – Китай. Казахстан одновременно использует и стратегию примыкания к России с точки зрения безопасности, и балансирования по политическим вопросам, занимая нейтральную позицию.

Отдельно стоит отметить последовательность Казахстана в отстаивании повестки ядерного разоружения на голосованиях в ГА ООН, что является необходимым условием для утверждения себя в качестве независимого международного игрока.

Вышеуказанные закономерности характерны для всего рассмотренного периода. Усиление конфронтации между Западом и Россией после присоединения Крыма, судя по всему, не оказало влияния на паттерн голосования Казахстана в ГА ООН. Лишь при выходе конфронтации России и Запада на новый уровень, после начала СВО, снизился уровень совпадения голосования со всеми рассматриваемыми странами, кроме США. Необходимы дальнейшие наблюдения для понимания того, изменило ли это паттерн голосования Казахстана в ГА ООН.

Анализ голосования по резолюциям ГА ООН не может дать полной картины отношений Казахстана и ключевых внерегиональных игроков, но он точно может подтолкнуть исследователей постсоветского пространства к переоценке российско-казахстанских и казахстано-китайских отношений. Отдельной работы заслуживает анализ причин такого голосования Казахстана в ГА ООН, как внутренних, так и внешних.

В условиях политических изменений в Центральной Азии, роста влияния Китая и снижения военного присутствия США политика многовекторности может претерпеть значительные изменения. Она может меняться со временем, приближая Казахстан к одному из центров силы или, наоборот, провоцируя конфликт между двумя и более акторами в регионе. Так или иначе, учитывая изменение положения России в мире после начала СВО, казахстанская политика многовекторности может измениться уже в ближайшие годы.

Список источников

Дегтерев Д., Василюк И., Баум В. (2018) Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 1. С. 63–75. Режим доступа: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>.

Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке (2013) Екатеринбург. 11 ноября. Режим доступа: kremlin.ru/supplement/1560 (дата обращения: 05.12.2020).

Истомин И., Байков А. (2019) Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>.

Казахстанская правда (2021) Полный текст статьи Токаева «Независимость превыше всего». 6 января. Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/polnyy-tekst-stati-tokaeva-nezavisimost-prevyshe-vsego/> (дата обращения: 15.09.2022).

Казинформ (2020) Путь к безъядерному миру: инициативы Елбасы – беседа с директором КИСИ. 27 августа. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/put-k-bez-yadernomu-miru-iniciativy-elbasy-beseda-s-direktorom-kisi_a3688180 (дата обращения: 02.12.2020).

Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. (2018) Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // *Вестник международных организаций*. Т. 13. № 1. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>.

Назарбаев Н.А. (1992) Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алматы. 16 мая. Режим доступа: online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (дата обращения: 02.12.2020).

Президент Республики Казахстан (2007) Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 28 февраля. Режим доступа: www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-28-fevralya-2007-g (дата обращения: 02.12.2020).

Президент Республики Казахстан (2014) Концепция внешней политики на 2014–2020 гг. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. Режим доступа: <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/U140000741/links> (дата обращения: 02.12.2020).

Президент Республики Казахстан (2020) О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. 9 марта. Режим доступа: www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 02.12.2020).

Савостьянов С. (2022) МИД Казахстана передал ноту России в связи с высказываниями депутата Госдумы Никонова // ТАСС. 12 декабря. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raportama/10241035> (дата обращения: 15.09.2022).

Хачатурян Д.А. (2017) Франция, РФ и США во внешней политике Армении: количественный анализ голосования в ГА ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 19. № 1. С. 91–100. Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-1-91-100>.

Шадурский В.Г. (2010) Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике // БГУ. Труды факультета международных отношений 2010: научный сборник. Т. 1. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/5210> (дата обращения: 17.02.2023).

Bastas Y.N. (2013) *The Foreign Policy of Kazakhstan: An Analysis of Kazakhstan's Multi-Vector Policy*. Master's Thesis in Political Science Faculty of Social Sciences. Representeralen, Universitetet i Oslo Department of Political Science. Режим доступа: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/36938/1/BastaxMasterxoppgxStatsvitenskap.pdf> (дата обращения: 17.02.2023).

Burmester N., Jankowski M. (2014) The Unsolved Puzzle: Pacific Asia's Voting Cohesion in the United Nations General Assembly: A Response to Peter Ferdinand // *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 16. Issue 4. P. 680–689. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1467-856X.12028>.

Clarke M. (2015) Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy: Diminishing Returns in an Era of Great Power “Pivots”? *The Asian Forum*, 9 April. Режим доступа: theasianforum.org/kazakhstans-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots/ (дата обращения: 05.12.2020).

Costa-Buranelli F. (2014) May We Have a Say? Central Asian States in the UN General Assembly // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 5. Issue 2. P. 131–144. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.05.002>.

Cummings S.N. (2003) Eurasian Bridge or Murky Waters Between East and West? Ideas, Identity and Output in Kazakhstan's Foreign Policy // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 19. Issue 3. P. 139–55. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/13523270300660021>

Diyařbakirliođlu K., Yiđit S. (2014) Kazakh Multi Vector Foreign Policy in Action // *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. Vol. 13. No. 4. P. 70–82. Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/19351> (дата обращения: 17.02.2023).

Gnedina E. (2015) “Multi-Vector” Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. Issue 7. P. 1007–1029. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1066313>.

Hanks R.R. (2009) “Multi-Vector Politics” and Kazakhstan's Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 11. Issue 3. P. 257–267. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/19448950903152110>.

Hansen F.S. (2015) Do the CIS Member States Share Foreign Policy Preferences? // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 6. Issue 1. P. 69–78. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.10.002>.

- Kassen M. (2018) Understanding Foreign Policy Strategies of Kazakhstan: A Case Study of the Landlocked and Transcontinental Country // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 31. Issue 3–4. P. 314–343. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1520809>.
- Kuik C. (2008) The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. Vol. 30. Issue 2. P. 159–185. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/41220503> (дата обращения: 17.02.2023).
- Lijphart A. (1963) The Analysis of Bloc Voting in the General Assembly: A Critique and a Proposal // *American Political Science Review*. Vol. 57. Issue 4. P. 902–917. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/1952608>.
- Minasyan S. (2012) Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States // *Demokratizatsiya*. Vol. 20. No. 3. P. 268–273. Режим доступа: https://demokratizatsiya.pub/archives/20_3_T138484W69202353.pdf (дата обращения: 17.02.2023).
- Nomerovchenko A., Kim J., Kang W. (2018) Foreign Policy Orientation of Independent Central Asian States: Looking Through the Prism of Ideas and Identities // *The Korean Journal of International Studies*. Vol. 16. No. 3. P. 389–410. Режим доступа: <https://doi.org/10.14731/kjis.2018.12.16.3.389>
- Nurgaliyeva L. (2016) Kazakhstan's Economic Soft Balancing Policy vis-à-vis Russia: From the Eurasian Union to the Economic Cooperation With Turkey // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 7. No. 1. P. 92–105. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.008>.
- Sullivan C.J. (2019) End of an Era? Kazakhstan and the Fate of Multivectorism // *Kazakhstan and the Soviet Legacy* / J.-F. Caron (ed.). Singapore: Palgrave Macmillan.
- United Nations (UN) (n.d.) Voting Data. United Nations Digital Library System. Режим доступа: digital-library.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data (дата обращения: 05.12.2020).
- Voeten E. (2013) Data and Analyses of Voting in the United Nations General Assembly // *Routledge Handbook of International Organization* / B. Reinalda (ed.). Abingdon-on-Thames: Routledge.

How Kazakhstani Multivector Foreign Policy Works: Analysis of Its Voting in UNGA¹

R. Yuneman

Roman Yuneman – Postgraduate Student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies HSE University; 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia, 101000; roman@yuneman.ru; ORCID: 0000-0003-4006-2233; ResearcherID: P-9338-2015

Abstract

The concept of multivectorism underlies the foreign policy strategy of the Republic of Kazakhstan. Kazakhstani foreign policy within international organizations and integrational institutions is also carried out within the framework of multivectorism. However, the implementation of that foreign policy within the United Nations General Assembly (UNGA) has not yet been studied. To study the concept of multivectorism, the author analyzes the voting cohesion in the UNGA of Kazakhstan, Russia, China, the U.S., Turkey, and Germany from 2007–22. For this purpose, the author also studies the behaviour of Kazakhstan in cases of opposite voting of these countries. Among other things, this article analyzes the voting cohesion of Kazakhstan and other countries under study on certain topics (disarmament, decolonization, human rights, development issues, armed conflicts, and so on), as well as voting on key resolutions relating to armed conflicts involving the Russian Federation. As a result of quantitative and qualitative analysis of more than 1,300 resolutions, the author concludes that the main vector of Kazakhstani foreign policy is China, not Russia, which is formally a key ally of Kazakhstan. The greatest coincidence of Kazakhstan's foreign policy positions is found with China (the lesser is found with Russia, Turkey, and Germany, and minimally with the United States). Moreover, in the case of the opposite voting of China and the other three countries under consideration, the votes of Kazakhstan coincided more often with the Chinese. The author argues that Kazakhstan avoids explicit support for the Russian Federation in voting on resolutions related to armed conflicts involving Russia. This is also manifested in the voting of the Republic of Kazakhstan on resolutions related to the war in Ukraine. However, the reasons behind the high level of voting cohesion between China and Kazakhstan in the UNGA require further research.

Keywords: Kazakhstan, Russia, USA, China, Germany, Turkey, UNGA, voting, multi-vector foreign policy

For citation: Yuneman R. (2023) How Kazakhstani Multivector Foreign Policy Works: Analysis of Its Voting in UNGA, *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 151–169 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-01-06

References

- Bastas Y.N. (2013) The Foreign Policy of Kazakhstan: An Analysis of Kazakhstan's Multi-Vector Policy. Master's Thesis in Political Science Faculty of Social Sciences. Representralen, Universitetet i Oslo Department of Political Science. Available at: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/36938/1/Bastax-MasterxoppgxStatsvitenskap.pdf> (accessed 17 February 2023).
- Burmester N., Jankowski M. (2014) The Unsolved Puzzle: Pacific Asia's Voting Cohesion in the United Nations General Assembly: A Response to Peter Ferdinand. *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 16, issue 4, pp. 680–9. Available at: <https://doi.org/10.1111/1467-856X.12028>.
- Clarke M. (2015) Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy: Diminishing Returns in an Era of Great Power "Pivots"? *The Asian Forum*, 9 April. Available at: theasianforum.org/kazakhstans-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots/ (accessed 5 December 2020).

¹ This article was submitted 12.11.2022.

- Costa-Buranelli F. (2014) May We Have a Say? Central Asian States in the UN General Assembly. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 5, issue 2, pp. 131–44. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.05.002>.
- Cummings S.N. (2003) Eurasian Bridge or Murky Waters Between East and West? Ideas, Identity and Output in Kazakhstan's Foreign Policy. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 19, issue 3, pp. 139–55. Available at: <https://doi.org/10.1080/13523270300660021>
- Degtarev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V. (2018) Parametry mnogovektornosti vneshnei politiki stran SNG: prikladnoi analiz [Multiplexity Parameters of the CIS Foreign Policy: Applied Analysis]. *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, vol. 62, no 1, pp. 63–75. Available at: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75> (in Russian).
- Diyarbakirlioglu K., Yiğit S. (2014) Kazakh Multi Vector Foreign Policy in Action. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*, vol. 13, no 4, pp. 70–82. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/19351> (accessed 17 February 2023).
- Dogovor mezhdu Rossiiskoi Federaciei i Respublikoi Kazahstan o dobrososedstve i soyuznichestve v XXI veke [Treaty Between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on Good Neighborliness and Alliance in the XXI Century (Treaty)] (2013) Yekaterinburg, 11 November. Available at: kremlin.ru/supplement/1560 (accessed 5 December 2020) (in Russian).
- Gnedina E. (2015) “Multi-Vector” Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? *Europe-Asia Studies*, vol. 67, issue 7, pp. 1007–29. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1066313>.
- Hanks R.R. (2009) “Multi-Vector Politics” and Kazakhstan's Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 11, issue 3, pp. 257–67. Available at: <https://doi.org/10.1080/19448950903152110>.
- Hansen F.S. (2015) Do the CIS Member States Share Foreign Policy Preferences? *Journal of Eurasian Studies*, vol. 6, issue 1, pp. 69–78. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2014.10.002>.
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2019) Dinamika mezhdunarodnykh al'yansov v neravnovesnoj mirovoj sisteme [Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure]. *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otosheniya*, vol. 63, no 1, pp. 34–48. Available at: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48> (in Russian).
- Kassen M. (2018) Understanding Foreign Policy Strategies of Kazakhstan: A Case Study of the Landlocked and Transcontinental Country. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 31, issue 3-4, pp. 314–43. Available at: <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1520809>.
- Kazhastanskaya Pravda (2021) Polnyj tekst stat'i Tokaeva “Nezavisimost' prevyshe vsego” [Full Text of Tokayev's Article “Independence Is Above All”]. 6 January. Available at: <https://kazpravda.kz/n/polnyj-tekst-statii-tokaeva-nezavisimost-prevyshe-vsego/> (accessed 15 September 2022) (in Russian).
- Kazinform (2020) Put' k bez'yadernomu miru. Iniciativy Elbasy – beseda s direktorom KISI [The Way to the Nuclear-Free World: The Elbasy Initiative – conversation with the KISS director]. 27 August. Available at: https://www.inform.kz/ru/put-k-bez-yadernomu-miru-iniciativy-elbasy-beseda-s-direktorom-kisi_a3688180 (accessed 2 December 2020) (in Russian).
- Khachatryan D.A. (2017) Franciya, RF i SSHA vo vneshnej politike Armenii: kolichestvennyj analiz golosovaniya v GA OON [France, Russia and the USA in the Foreign Policy of Armenia: Quantitative Analysis of Voting in the UN General Assembly]. *RUDN Journal of Political Science*, vol 19, no 1, pp. 91–100. Available at: <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-1-91-100> (in Russian).
- Kozlov G.V. (2020) Prikladnoj analiz golosovaniya Respubliki Kazahstan i SSHA v general'noj assamblee OON (1992–2019 gg.) [Applied Analysis of the Voting of the Republic of Kazakhstan and the United States in the UN General Assembly]. *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 3, no 7, pp. 576–85. Available at: <https://repository.rudn.ru/en/records/article/record/87938> (accessed 17 February 2023) (in Russian).
- Kuik C. (2008) The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, vol. 30, issue 2, pp. 159–85. Available at: <https://www.jstor.org/stable/41220503> (accessed 17 February 2023).
- Kurylev K., Degtarev D., Smolik N., Stanis D. (2018) A Quantitative Analysis of Geopolitical Pluralism in the Post-Soviet Space. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 1, pp. 134–56. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>.

Lijphart A. (1963) The Analysis of Bloc Voting in the General Assembly: A Critique and a Proposal. *American Political Science Review*, vol. 57, issue 4, pp. 902–17. Available at: <https://doi.org/10.2307/1952608>.

Minasyan S. (2012) Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States. *Demokratizatsiya*, vol. 20, no 3, pp. 268–73. Available at: https://demokratizatsiya.pub/archives/20_3_T138484W69202353.pdf (accessed 17 February 2023).

Nazarbaev N.A. (1992) Strategiya stanovleniya i razvitiya Kazakhstana kak suverennoogo gosudarstva [Strategy of Formation and Development of Kazakhstan as a Sovereign State]. Almaty, 16 May. Available at: online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (accessed 2 December 2020) (in Russian).

Nomerovchenko A., Kim J., Kang W. (2018) Foreign Policy Orientation of Independent Central Asian States: Looking Through the Prism of Ideas and Identities. *The Korean Journal of International Studies*, vol. 16, no 3, pp. 389–410. Available at: <https://doi.org/10.14731/kjis.2018.12.16.3.389>.

Nurgaliyeva L. (2016) Kazakhstan's Economic Soft Balancing Policy vis-à-vis Russia: From the Eurasian Union to the Economic Cooperation With Turkey. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 7, no 1, pp. 92–105. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.008>.

President of the Republic of Kazakhstan (2007) Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N. Nazarbaeva narodu Kazakhstana [Address of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the People of Kazakhstan]. 28 February. Available at: www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-28-fevralya-2007-g (accessed 2 December 2020).

President of the Republic of Kazakhstan (2014) Kontseptsiya vneshnej politiki na 2014–2020 [Foreign Policy Concept for 2014–2020]. *Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazahstan*. Available at: <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741/links> (accessed 2 December 2020) (in Russian).

President of the Republic of Kazakhstan (2020) O Kontseptsii vneshnei politiki Respubliki Kazahstan na 2020–2030 gody [On the Concept of Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030]. 9 March. Available at: www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (accessed 2 December 2020) (in Russian).

Savostyanov S. (2022) MID Kazakhstana peredal notu Rossii v svyazi s vyskazyvaniyami deputata Gosdumy Nikonova [The Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan Handed Over a Note to Russia in Connection With the Statements of State Duma Deputy Nikonov]. *TASS*, 12 December. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10241035> (accessed 15 September 2022) (in Russian).

Shadurski V.G. (2010) Realizatsiya printsipa mnogovektornosti v belorusskoi vneshnei politike [Realization of the Multi-Vector Principle in Belarusian Foreign Policy]. *BGU, Trudy fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenij 2010: nauchnyj sbornik*, vol. 1. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/5210> (accessed 17 February 2023) (in Russian).

Sullivan C.J. (2019) End of an Era? Kazakhstan and the Fate of Multivectorism. *Kazakhstan and the Soviet Legacy* / J.-F. Caron (ed.). Singapore: Palgrave Macmillan.

United Nations (UN) (n.d.) Voting Data. United Nations Digital Library System. Available at: digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data (accessed 5 December 2020).

Voeten E. (2013) Data and Analyses of Voting in the United Nations General Assembly. *Routledge Handbook of International Organization* (B. Reinalda (ed.)). Abingdon-on-Thames: Routledge.